

21.10.09. Япония первой половины XX в.: дискуссия о цвете кожи

Александр Николаевич Мещеряков

Текст доклада

Во второй половине XIX в. Япония успешно осуществила кардинальное реформирование страны и превратилась в мощного игрока на мировой арене. Казалось, что ее основная цель – встать вровень с западными державами – достигнута. Однако на Западе получил широкое распространение тезис о «желтой опасности», где определение «желтый» обладало пугающими и, одновременно, презрительными коннотациями. Поначалу это вызвало в японском обществе комплекс телесной неполноценности. Однако с конца 20-х годов начинается процесс по переосмыслению цветового кода, в результате чего белому цвету стали приписываться отрицательные эстетические характеристики.

Белый цвет кожи всегда считался в Японии основным признаком красоты. Средневековые сочинения пестрят упоминаниями о красавицах и красавцах, которых отличает белокожесть. О других атрибутах красоты, как правило, умалчивается. Разве что могут быть упомянуты ниспадающие женские волосы длиной до пола. Обычно же авторы ограничиваются констатацией красоты или же говорят о том, что женщина была прекрасна, как фея или картинка, уподобляют женщину легендарным китайским красавицам.

Человеку благородному и воспитанному следовало подавлять внешние проявления своих эмоций, которые считались достоянием людей «низких». Так что средневековые авторы предпочитали описывать не лицо, а одежду, которая выдавала изящество и вкус, указывала на ранг и положение ее обладателя. Таким образом, в древней и средневековой Японии мы фиксируем не «культ тела» и не «культ лица», а «культ одежды». То есть в облике человека подчеркивалось не столько его переменная (мимика), сколько неизменная (статусная) составляющая. Невнимание к описанию внешности персонажей хорошо чувствуется даже в современной японской литературе.

Белокожесть была присуща прежде всего аристократам, которые редко покидали свой дом. Весь строй их жизни был рассчитан на интерьер, в их долгополых платьях перемещаться в

открытом пространстве было затруднительно. Они не стремились к «здоровому» загару и избегали солнечных лучей, главные церемониальные мероприятия происходили либо под крышей, либо ночью. Японские поэты воспевали луну, но обходили солнце молчанием. Знатные дамы покрывали свое лицо толстым слоем белил (но не румян!). Аристократы находили темный цвет кожи крестьян отвратительным, и собственная белокожесть служила для них еще одним маркером своего привилегированного положения. Таким образом, в течение длительного времени белый цвет кожи выступал в качестве показателя «красоты», обусловленной, прежде всего, социальным положением.

Вплоть до середины XIX в. контакты японцев с иноземцами ограничивались, по преимуществу, непосредственными соседями (прежде всего, китайцами и корейцами), обладавшими очень близким (чаще всего, неотличимым) антропологическим типом. Когда японцы сравнивали себя с ними, антропологический маркер задействован не был. Сравнению подвергались культурные параметры: обычаи, еда, одежда, система политического управления, религия и т.п. Можно было осуждать китайские или корейские обычаи, критиковать их политическую систему и социальные практики, но в этой рефлексии начисто отсутствовала телесность, никто не утверждал, что японец «красивее» (некрасивее) китайца.

Когда в 1792 г. посольство А.Лаксмана проникло в Японию для ведения переговоров об открытии торговли между Россией и Японией, оно передало японской стороне трех японцев, которые, потерпев кораблекрушение, провели в России многие годы. Японские чиновники испытывали при этом сомнения по поводу их национальной принадлежности: речь «кандидатов в японцы» пестрила русскими словами, они были одеты по-европейски. Сомнения развеялись только после того, как увидели: репатрианты правильно пользуются палочками для еды (Синтай 2007: 66). Таким образом, в то время в качестве определяющего параметра для идентификации «своего» выступают не антропологические данные, а культурно-телесные навыки, которые, якобы, невозможно «подделать».

Начиная с 1639 г., когда появились указы о почти полном закрытии страны для внешних контактов, Япония пребывала в состоянии изоляции. Однако ситуация резко меняется в середине XIX в. Под напором (в том числе и насильственным) западных держав (прежде всего, США, России, Англии и Франции) Япония была вынуждена пойти на подписание неравноправных торговых договоров, открыть для иностранных судов несколько своих портов. Теперь японцы могли видеть европейцев своими глазами, в страну хлынул поток западной культуры.

Эти события произвели на японцев колоссальное впечатление. Династия военных правителей (сёгунов) из дома Токугава была свергнута, на первый план выдвигается династия императоров, которая длительное время оставалась в тени и была отстранена от принятия решений. Военное сословие самураев, не сумевшее выполнить свой исторический долг по обороне страны, подвергается унижениям и осмеянию. Кроме того, японцев поразила настоящий комплекс неполноценности по отношению к Западу. Они стали считать, что раз их традиционные институты и культура не сумели обеспечить независимости страны, то в них нет ничего достойного внимания. Причем это касается не только обычаев, военного дела,

науки и экономики. Ценимые теперь во всем мире японское искусство и литература также подвергались презрительным насмешкам.

Нечто подобное уже случалось в истории Японии в VII-VIII вв. н.э., когда страна проводила модернизацию по китайскому образцу. Но тогдашний комплекс неполноценности не имел телесной составляющей. Стоило японским чиновникам переодеться в китайские одежды, как они стали неотличимы от китайцев. Теперь же при непосредственном контакте с европейцами обнаружилось, что японцы уступают европейцам в росте, слабее физически. Расхожее мнение того времени: по сравнению с европейцами, японцы сложены «непропорционально», у них «кривые» и «короткие» ноги. Гладкость кожи, ее маломорщинистость квалифицировались как признак «детскости», то есть недоразвитости. Обнаружилось также, что и тот белый цвет кожи, которым так гордилась японская элита, является белым лишь относительно. Относительно своих же простолюдинов.

Сверхидея того времени заключалась в том, чтобы догнать Запад и избежать порабощения. Для этого страна приступила к широкомасштабным реформам во всех областях жизни: системе управления, образования, экономики, в военной сфере (Об особенностях процесса модернизации в Японии см. Мещеряков 2006). Тело и его «камуфляж» (одежда) не избежали этой участи. Переход на европейскую одежду, занятия физкультурой и спортом, изменение пищевой диеты (потребление хлеба, мяса, молочных продуктов) были составными частями этого процесса, который можно назвать «реформой тела». Немалое внимание уделялось и коже: ее следовало «отбелить» до состояния европейской. Реклама кремов и мыла делала особенный упор на отбеливающим эффекте косметических средств, способных уравнивать в цвете японцев и европейцев. Считалось: стоит только «подправить» способы ухода за кожей, как эта разница будет ликвидирована. Однако вскоре выяснилось, что цвет кожи относится к разряду неизменяемых признаков.

Следует заметить, что в то время в западном общественном сознании японцы не воспринимались как люди с однозначно желтым цветом кожи. Хотя французский естествоиспытатель Ж.Кювье и выделял «белую», «желтую» и «черную» расы, европейцы обычно находили цвет кожи японцев «темным», «смуглым» и т.п. В «Космографии» 1670 г., одном из самых первых российских сочинений, где имеются сведения о «Япан-острове», утверждается, что цветом лица японцы подобны «оливкам, то есть масличным ягодам» (О Японии 2000: 35). Такое понимание сохраняется и во второй половине XIX в.: «Что до цвета лица, то в общем он матово-оливковый, как у испанцев, и у женщин вообще светлее, чем у мужчин, но тут есть множество оттенков, в зависимости от условий жизни, начиная с темно-бронзового, наблюдаемого у многих рабочих, вынужденных всегда работать на солнце, до европейски белого, какой нередко встречается у женщин аристократок» (Крестовский 2002: 379). И.А.Гончаров находил цвет японской кожи «светло-красноватым» (Гончаров 1953: 9). Определения, наподобие «смугло-желтый» и «желтолицый», также встречаются, но фактом остается то, что восприятие европейцами цвета кожи японцев не отличалось унифицированностью, а цветовое обозначение цвета их кожи не имело оскорбительного характера.

Положение кардинально меняется вместе с победами Японии в войнах с Китаем (1894-1895) и Россией (1904-1905). До этого времени Япония не воспринималась на Западе в качестве серьезного конкурента – торгового или военного. Однако теперь с легкой руки Вильгельма II в Европе увлеченно заговорили о «желтой опасности», которую представляет Япония для гегемонии западных держав. Геополитические соображения подпитывались расовыми, т.е. теперь японцы были навсегда «обречены» на то, чтобы оставаться «азиатами». Следует также помнить, что в европейской культуре прилагательное «желтый» имеет ярко выраженные отрицательные коннотации. Еще в средневековье «желтый» ассоциировался с неверностью и изменой. В данной ситуации это значение было с готовностью введено в новый, теперь уже расистский оборот. В идеологическом дискурсе того времени за японцами твердо закрепляются определения «желтые, раскосые, коварные» (Куприн 1980: 210).

Надо сказать, что ситуация с цветом кожи оказалась для японцев весьма неожиданной. До этого времени страна стремилась к тому, чтобы «покинуть» Азию и «войти» в Европу. Фукудзава Юкити, знаменитый мыслитель того времени, еще в 1885 году обнаружил программную статью «Бегство из Азии», в которой он утверждал: Япония настолько оторвалась от своих соседей, что ей по дороге не с ними, а со странами Запада. Фукудзава Юкити описывал Японию как динамическое образование, в то время как в странах Азии «ничего не меняется в течение столетий». По многим своим параметрам (развитие промышленности, образования, военная мощь) Япония стала действительно приближаться к «передовым» странам Запада. После японо-русской войны японцы стали считать свою страну «державой», сопоставимой с державами мировыми – США, Англией, Францией, Германией, Россией. Казалось, что с дискриминацией со стороны Запада, который прежде считал Японию страной «нецивилизованной», было покончено. Однако это оказалось не так, дискриминация приобрела качественно другое измерение: определение японцев как «желтых» лишало их шанса сравняться с европейцами по этому параметру, ибо он является неизменяемым. Японцы, которые в то время так стремились избавиться от своей азиатской идентичности, вновь – и теперь уже навсегда – были отброшены в Азию.

Свои военные победы Япония считала за доказательство равенства с европейскими державами, но оказалось, что оно все равно невозможно – достижения страны Японии не могли превратить японцев в европейцев. Правила игры были изменены в ее разгаре. Писатель Мори Огай с обидой писал: если Япония выигрывает войну, ее начинают именовать «желтой опасностью», если же она проиграла бы эту войну, ее бы заклеили как «варварскую» страну (Wilkinson 1983: 117).

На цветных гравюрах времени японо-русской войны японские солдаты и офицеры обладали европейскими лицами. Пропорции их тела были также подогнаны под европейцев, ростом японцы не уступали русским. Они обладали белым цветом кожи, что выдает страстное стремление «стать европейцами». «Углядеть» на этих изображениях японцев мог только человек, знакомый с униформой японской армии. Эти гравюры предназначались для внутреннего потребления, они придавали уверенности в силах, определяли цель, формировали автообраз японца, неотличимого от европейца. Однако сами европейцы не обращали на японские усилия никакого внимания.

Видный публицист Тагути Укити в статье «Уничтожая теорию желтой опасности», написанной им во время японо-русской войны, заявлял, что японцы принадлежат не к желтой, а к белой расе. Он находил, что с расовой точки зрения японцы не имеют отношения к китайцам, которые являются олицетворением желтой расы – на самом деле японцы «схожи» с обитателями Индии, Персии, древней Греции и Рима. Признавая, что в «народе Ямато» можно обнаружить следы «желтой крови», он, тем не менее, утверждал, что японская аристократия произошла напрямую от богов. Спустившись на землю (в Японию), они покорили местное население (Тагути 1990: 485-486). Тагути обладал в Японии широкой известностью, но кто знал о его идеях в Европе? А если бы они стали известны, их сочли бы в лучшем случае за «антинаучные».

К окончанию японо-русской войны Япония достигла значительных успехов во многих областях и заслужила немало восторженных аттестаций на Западе. Однако эти оценки не касались японцев – наоборот, их дегуманизация набирала обороты. Именование их способными лишь к слепому подражательству «обезьянами» и «макаками» никого не удивляло. Японцы того времени жили с оглядкой на Запад. А раз Запад не признавал их телесного равенства, то и телесный (кожный) комплекс неполноценности не мог быть изжит.

В 10-20-е годы XX века общая вестернизация японской жизни стала еще заметнее. Среда городского обитания все больше походила на западную, прежние обыкновения и ценности стремительно уходили в прошлое. Технические новшества и модные новинки имели своим первоисточником Запад. В связи с этим и идеал человеческой красоты по-прежнему находился там. Особенно глубоко проник в активно формировавшуюся массовую потребительскую культуру западный идеал женской красоты, тиражировавшийся в рекламном плакате и кино.

Словом, вестернизированная потребительская культура предлагала готовый образец для подражания. Однако человеческая природа – не плакат, подражать этому идеалу было нелегко, в связи с чем он и служил источником нескончаемых стрессов. Знаменитый писатель Танидзаки Дзюнъитиро описывал тех молодых людей, для которых за телесный идеал признавался европеец. И чем ближе удавалось подойти к этому идеалу, тем более «стильным» тебя считали. О девушке, которой это не удавалось, герой повести «Любовь глупца» (1926) отзывался так: «По-видимому, она считала себя очень несчастной оттого, что была слишком похожа на японку, и изо всех сил старалась походить на европейскую женщину. Внимательно взглянув на нее, я увидел толстый слой белил на ее коже и краску вокруг глаз. Щеки были тоже, без сомнения, накрашены. Да еще эта лента на голове...Увы, как ни жаль, но она выглядела чудовищем». Один из персонажей повести отзывается об этой несчастной девушке так: «Таких [японских] лиц вокруг сотни. Хоть она и прибегает ко всяким ухищрениям, чтобы стать похожей на иностранку, это ей не удается. Получается только смешно. Настоящая обезьяна!» (Танидзаки 1986: 371).

В другом эссе Танидзаки настаивал на неотменимости расовой принадлежности, реализующейся через кожу: «Поскольку Япония уже вступила на пути европейской цивилизации, то остается только оставить стариков на обочине; тем не менее, следует помнить, что, куда бы ни изменился наш цвет кожи, мы сами должны будем всегда тащить на

своих плечах тот груз потерь, который предназначается нам одним» (Танидзаки 1997: 64). Другой знаменитый писатель - Дадзай Осаму – открыто смеялся над ухищрениями японок стать белокожими. «Говорят, одна киноактриса, желая, чтобы у нее была более белая кожа, с превеликим усердием поглощает сасими из кальмара. Эта глупая женщина слепо верит в то, что, если будет питаться одними кальмарами, клетки кальмара ассимилируют клетки ее кожи, обеспечив ей нежность и прозрачную белизну» (Дадзай 2004: 425).

Происходившее на глазах уничтожение всего «истинно» японского раздражало ревнителей старины и традиций, которых тоже насчитывалось не так мало. Кроме того, следует помнить, что, несмотря на все старания японцев, они все равно не могли достичь западных параметров «красоты». Что до европейцев, то им слишком часто эти старания казались натужными.

В связи с этим в самой Японии проявляются и тенденции по отторжению западного телесного идеала. Одновременно стали говорить и о природной красоте японца. Вернее, не столько «японца», сколько «японки». Японский мужчина не мог сравниться с европейцем в объеме бицепсов и росте, а потому самоутверждение за этот счет представлялось невозможным.

Вестернизация заставляла менять привычки и вкусы, вторгалась в самое интимное – в тело, но отменить ностальгию по старым добрым временам и она была не в силах. Так бывает везде и всегда, но в Японии эта ностальгия приобрела сильно выраженный эстетическо-телесный оттенок.

Из всех телесных параметров японки основное внимание уделялось коже. Многие мыслители и публицисты по-прежнему считали японское тело «некрасивым», но кожа стала пленять их воображение. Как и в средневековье, кожа оказалась основным маркером, по которому определялась «красота». Но если в средневековье речь шла о красоте «социальной», то теперь она служила маркером «национальным». Разумеется, никто больше не говорил о том, что японцы обладают «белой» кожей, но авторы тщательно избегали и определения «желтый», которое было «скомпрометировано» западными расистами. Известный скульптор Асакура Фумио в 1929 г. утверждал, что «отсутствие белого цвета кожи не мешает мягкому мускульному очарованию, с которым не могут сравниться европейцы». При «положительной» характеристике цвета кожи японцев Асакура предпочитает пользоваться определением «розовый». Он говорит о женских руках, которые, якобы, было принято изображать «насыщенным розовым цветом и с помощью тонких пластичных линий».

Всего несколько лет назад Танидзаки Дзюньитиро открыто восхищался кожей европейек. Главный герой повести «Любовь глупца» так отзывается о русской эмигрантке по фамилии Шлемская: «Но больше всего отличала эти руки от рук Наоми [жена героя, которую он считал похожей на европейку – А.М.] их необычайная белизна. Кожа была так прозрачна, что бледно-голубые жилки казались тонким узором на мраморе. До сих пор, лаская руки Наоми, я часто говорил ей: «У тебя красивые руки, белые, как у европейской женщины!» Но, увы, теперь я понял, что у Наоми руки совсем другие по сравнению с руками Шлемской, они были попросту смуглые...». И сам герой испытывает ужасные комплексы по отношению к этой обладательнице белой кожи. Когда ему приходилось танцевать с Шлемской (она вела в

Японии танц-класс), «как я страшно боялся, чтобы моя смуглая физиономия не коснулась ее груди! Мне достаточно было издали любоваться ее гладкой светлой кожей. Держа ее за руку, я все время думал, как бы не причинить ей неприятность прикосновением своих липких пальцев, как бы не обдать ее своим горячим дыханием» (Танидзаки 1986: 359-360).

Однако всего через несколько лет Танидзаки совершает резкий поворот. Вместе с ним такой поворот совершали и другие японцы, которые устали считать себя «неполноценными». Танидзаки обнаружил в коже японки то прекрасное, чего невозможно достичь европейке с помощью гигиенических или же косметических ухищрений: это текстура кожи, отсутствие волос, гладкость, глянец и упругость. В отличие от европейки, японская женщина создана не для того, чтобы смотреть на нее, а чтобы «обнимать» ее. Не достигим для европейки и неподражаемый цвет японской кожи: ему присуща «легкая желтизна», которая придает цвету глубину (Танидзаки 1997: 140). В другом эссе Танидзаки, по-прежнему избегая понятия «желтая кожа», писал о том, что люди (расы) отличаются не столько «цветом» кожи, сколько оттенками «белого» и «черного» (Танидзаки 1996: 62). «Основные» цвета не могут описать японский цвет кожи, а потому писатель прибегает и к таким определениям, как «включающий в себя желтизну цвет слоновой кости» или же «коричневый с включением красного» (Танидзаки 1997: 39-40).

Знаменитый поэт Хагивара Сакутаро (1886-1942), рассуждавший о красоте японки, находил, что японские женщины – самые красивые в мире, а их главная красота заключена в цвете кожи, которую он отказывался определять с помощью какого бы то ни было «открытого» цвета. Он квалифицировал ее как «подтененную кожу темно-кремового цвета». Говорил он и о «белой коже, в которую закралась желтизна» и утверждал, что белоснежная белая кожа европейцев – это «сухая, безвкусная белизна, недоступная ни языку, ни пальцу», эта кожа «монотонна» (Мадзима 2004: 127).

Другой выдающийся писатель – Кавабата Ясунари – не утверждал, что японки красивее западных женщин. Но и его раздражала кожа европейек. Господин Суда, герой рассказа «Плоскогорье», замечает в христианской церкви, где происходил детский концерт, европейскую девушку, и ее красота производит на него неизгладимое впечатление: «Девушка сидела недалеко от окна. Яркий свет летнего полудня, лившийся оттуда, мягко прочерчивал тонкие линии ее лица и освещал ее правую руку. Она смотрела, словно зачарованная, широко раскрыв мечтательные глаза. Суда казалось, что их голубое, чистое сияние льется издали к нему в душу, а розовый румянец ее щек окрашивает даже окружающий воздух. Казалось, что это цветет цветок, готовый заколебаться от самого легкого ветерка. Несмотря на воздушную легкость и миловидность фигурки, в девушке чувствовалось что-то, способное вызвать безумную страсть. Суда в первый раз видел, чтобы страсть могла носить такой сверхчеловеческий, божественный облик, перед которым невольно хотелось преклонить колени».

Однако после концерта Суда сталкивается с девушкой и обращает внимание на ее веснушчатую кожу. «Во время детского концерта в церкви Суда сидел, очарованный божественной чистотой, веявшей от этой девушки, но когда он ближе пригляделся к ней у

выхода и увидел эти веснушки, они вызвали у него ощущение тошноты» (Григорьев 1997: 166-169).

Озабоченность кожей (ее цвет и чистота) носила временами маниакальный характер. Только в этих условиях героиня рассказа Дадзай Осаму «Кожа и сердце» могла заявить: «Никакая хворь, никакая напасть не пугает меня так, как кожные болезни. Пусть любые беды, пусть нищета, но только бы не подцепить какую-нибудь гадость! Потерять ногу, стать однорукой – все лучше, чем кожная болезнь» (Дадзай 2004: 395).

Танидзаки Дзюнъитиро, Хагивара Сакутаро, Кавабата Ясунари, Асакура Фумио и другие писатели, публицисты и мыслители на глазах создавали японскую эстетику цвета, в которой не было места белому цвету. Танидзаки раздражали внедрявшиеся в японскую повседневность белый кафель, белая посуда, белая бумага, которые были продуктами жизнедеятельности и экспансии белого человека. Поэтому и фотографии американских актеров с их широкой улыбкой и обнаженными белыми зубами тоже приводили Танидзаки в негодование. «...Их хохочущее лицо совсем не напоминает об улыбке...Когда японка ругается и шипит, она точно так же показывает свои зубы. Это [неприятное] впечатление не доходит до крайности в актрисах, но в актерах оно явлено особенно вызывающе» (Танидзаки 1997: 77).

В традиционной японской культуре белый цвет ассоциировался, в частности, с погребальным обрядом: покойника обряжали в белые одежды. Таким образом, белый цвет устойчиво напоминал о смерти. Недаром в популярном романе Кикиути Кан (1888-1948) «Дама с жемчугом» (1920) его героиня, которая приносит окружающим смерть, обладает белейшей кожей, а ее приметным аксессуаром, давшим название роману, является белоснежное ожерелье. Иными словами, в белом цвете кожи стали видеть отсутствие жизни, безжизненность, отсутствие красоты.

Разумеется, белый цвет напоминал японцу не только о смерти. Он служил символическим обозначением любой ритуальной чистоты (а покойник, по японским представлениям, чист, ибо превращается в божество). Но именно эту «смертельную» коннотацию белого цвета и пытались (вероятно, подсознательно) актуализировать творцы «чисто японской» цветовой эстетики. Их драма состояла в том, что они плыли «против течения». Массовая японская культура их времени безжалостно свидетельствует об этом.

При первоначальных контактах с японцами многие европейцы отмечали превосходный художественный «вкус» японцев. Не было исключением и И.А.Гончаров, автор «Фрегата Паллады», блистательного произведения, где описанию Японии 50-х гг. XIX в. посвящено немало места. Относясь весьма скептически к обыкновениям японцев и их одежде, И.А.Гончаров, тем не менее, после встречи с японскими чиновниками отмечал: «Еще мне понравилось в этом собрании шелковых халатов, юбок и мантилий отсутствие ярких и резких красок. Ни одного цельного цвета, красного, желтого, зеленого: всё смесь, нежные, смягченные тоны того, другого или третьего. Не верьте картинкам, на которых японцы представлены какими-то попугаями. И простой народ здесь не похож костюмами на ту толпу мужчин, женщин и детей, которую я видел на одной плантации в Сингапуре. Там я поражен был смесью ярких платьев на малайцах и индийцах, и счел их за какое-то собрание птиц в

кабинете натуральной истории» (Гончаров 1953: 57). Он же свидетельствовал: «Наши русые волосы и белые зубы им [японцам] противны; у них женщины сильно чернят зубы; чернили бы и волосы, если б они и без того не были чернее сажи» (Гончаров 1953: 164).

Однако действительность 20-30-х годов XX в. безжалостно перемалывала прежние представления о прекрасном. Это хорошо видно по той рекламе, которая широко распространилась в японских городах. Следует заметить, что в качестве рекламных моделей выступали почти исключительно женщины. Они рекламировали спиртные напитки, одежду, лекарства, средства гигиены, путешествия, бытовую технику (часы, радиоприемники). Свойственное для традиционного японского общества осмысление женщины, как существа, угождающего мужчине и заботящегося о нем, в полной мере проявилось и сейчас – именно женщина подносила бокал пива, предлагала выпить сакэ и послушать радио, лечила, приглашала в путешествие. Некоторые модели были одеты в европейское платье, но многие щеголяли и в кимоно. Но и кимоно не могло «спасти» «чисто» японскую красоту.

На самом деле на рекламных плакатах того времени были представлены японские женщины, мало похожие на «настоящих» японок. Многие модели были стрижены по-европейски, некоторые делали завивку. Их миндалевидные глаза потеряли характерный для монголоидов разрез и черный цвет. Кожа была не темной, а белой, губы – ярко-красными, на щеках «играл» румянец, нанесенный с помощью косметики. Эти губы растягивались в широкой «голливудской» улыбке, совершенно не свойственной для образа традиционной японки. Улыбка обнажала зубы, что прежде считалось совершенно неприличным (обнаженные зубы – признак злодейства и агрессивности). Пальцы украшали кольца, отсутствовавшие в списке традиционных женских аксессуаров. Можно было увидеть и красавицу с розами, которые раньше выступали в качестве растения, характерного для «коварного» Запада, доказательством чего служили спрятавшиеся за ярким цветком шипы.

Словом, единственно традиционным в новом образе японской красавицы оставалось только кимоно. Но и оно сверкало такими цветами, которые не были представлены в прежней культуре. Теперь они отличались небывалой яркостью и эклектичностью. Одним из главных требований, предъявлявшихся прежде к женскому кимоно, была «скромность» и «сезонность» узора. Теперь же мы можем видеть на одном и том же кимоно изображение сакуры или сливы (символов весны) и клена-момидзи – символа осени.

Ревнителю «настоящей» красоты по-японски оставались в то время в меньшинстве. Их соображения и оценки «заиграют» позднее. После войны именно их (прежде всего, Танидзаки и Хагивара) признают за образцовых выразителей «чисто японской» традиционной эстетики. И не беда, что это была в значительной степени «изобретенная традиция», в которой эстетика цвета (в частности, белого) подверглась кардинальному переосмыслению. Теперь эта эстетика пришлась ко двору. И не только в Японии, но и на Западе.

Литература

Гончаров 1953 – Гончаров И.А.. Собрание сочинений. М., «Государственное издательство

художественной литературы», 1953, т.3.

Григорьев, 1997 – Григорьев М.П. Лик Японии. Переводы и эссе. М., Издание Института буддизма, 1997, с.166-169.

Дадзай 2004 - Дадзай Осаму. Избранные произведения. СПб., «Гиперион», 2004.

Кикүти 2004 - Кикүти Кан. Дама с жемчугом. Перевод М.Огуси. М., «Серебряные нити», 2004.

Крестовский 2002 - Всеволод Крестовский. В дальних водах и странах. М., «Центрполиграф», 2002.

Куприн 1980 – Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников. //А.И.Куприн. Сочинения в двух томах. М., «Художественная литература», 1980, т.2.

Мадзима 2004 - Мадзима Аю. Кииро дзинсю то ю унмэй-но тёкоку. //Киндай нихон-но синтай канкаку. Токио, «Сэйкюся», 2004.

Мещеряков 2006 – Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М., «Наталис», 2006.

Мещеряков 2009 – Мещеряков А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма. М., «Наталис», 2009.

Мещеряков 2009-а - Мещеряков А.Н. Телесный комплекс неполноценности японцев и его преодоление (20-30-е годы XX века)//Вопросы философии, 2009, №1.

О Японии 2000 - О Японии, или Япон-острове. Перевод Людмилы Ермаковой. // Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. Под ред. Е.В.Маевского. СПб, «Северо-Запад», 2000.

Синтай 2007 - Синтай-кара ёминаосу бакумацу нитиро бунка корюси. Гайко гирэй-о тусинни. Под редакцией Икута Митико. Осака, 2007.

Тагути 1980 - Тагути Укити. Тэйкэн Тагути Укити дзэнсю. Токио, «Ёсикава кобункан», 1990, т.2.

Танидзаки 1986 - Дзюньтитиро Танидзаки. Избранные произведения. М., «Художественная литература», т.1., 1986.

Танидзаки 1996 - Танидзаки Дзюньтитиро. Похвала тени. //Похвала тени. Рассказы японских писателей в переводах М.П.Григорьева. Составитель и автор предисловия Л.Л.Громковская. СПб, «Петербургское востоковедение», 1996.

Танидзаки 1997 - Танидзаки Дзюньтитиро. Инъэй райсан. – Токио, «Тюокоронся», 1997, с.64.

Wilkinson 1983 – Wilkinson Endymion. Japan versus Europe. A history of misunderstanding. «Penguin Books», 1983.